

К 130-летию М. Е. Сергеенко: защита докторской диссертации в блокадном Ленинграде*

Екатерина Юрьевна Басаргина

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 1;
spbaran-publications@yandex.ru

Для цитирования: Басаргина Е.Ю. К 130-летию М.Е.Сергеенко: защита докторской диссертации в блокадном Ленинграде. *Philologia Classica* 2021, 16 (2), 346–369.
<https://doi.org/10.21638/spbu20.2021.214>

В годы войны докторские и кандидатские диссертации защитили многие филологи-классики и антиковеды, в их числе были М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровский, В. С. Соколов, С. Я. Лурье, Н. А. Машкин, А. В. Мишулин, К. Э. Гриневич. Но даже на этом фоне защиты докторских диссертаций И. М. Тронского и М. Е. Сергеенко в блокадном Ленинграде являются незаурядными событиями. Если о докторском диспуте И. М. Тронского сохранилось немного сведений, то о защите М. Е. Сергеенко, благодаря недавно выявленным документам в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, возможно составить более полную картину. Сохранившийся в архиве большой фрагмент докторской диссертации и тезисы к ней дают представление о содержании, объеме и структуре работы. Установлено, что глава «Плодоводство в древней Италии», единственная, сохранившаяся в машинописи диссертации, идентична очерку «Садоводство» в книге М. Е. Сергеенко «Очерки по сельскому хозяйству древней Италии» (1958). Анализ тезисов диссертации и отзывов оппонентов позволяет сделать вывод о том, что и другие, не сохранившиеся, главы диссертации тоже вошли в эту книгу. На основе собранных в архивном «диссертационном» деле М. Е. Сергеенко можно реконструировать процедуру докторского диспута, уточнить некоторые факты ее биографии и установить дату защиты (10 июня 1942 г.). Оппонентами диссертации выступили И. И. Толстой, С. И. Ковалев и А. П. Ильинский; отзывы двух первых оппонентов публикуются. В 1943 г. Высшая аттестационная комиссия Всесоюзного комитета по делам высшей школы присвоила М. Е. Сергеенко степень доктора филологических наук.

Ключевые слова: М. Е. Сергеенко, история науки, классическая филология, блокадный Ленинград, научная аттестация.

В летописи блокады 354-й день войны, 10 июня 1942 г., был отмечен боевыми действиями на одном из участков обороны Ленинграда, утренней бомбежкой города (три бомбы упали в воду возле Тучкова моста, и одна разорвалась на Адмиралтейской набережной), будничной работой ленинградцев и защитой докторской

* В свое время Александр Константинович Гаврилов написал проникновенную статью о Марии Ефимовне Сергеенко. Надеюсь, что ему будут небезынтересны архивные документы, сообщающие новые подробности о ее докторском диспуте в блокадном Ленинграде. И, конечно, пользуясь случаем, еще раз поздравляю А. К. со славной датой.

диссертации М. Е. Сергеенко (Воинов 1946, 135–136; Кольцов 1962, 98; Буров 1979, 199).

Мария Ефимовна Сергеенко (09.12.1891, Черниговская губерния — 28.10.1987, Ленинград) — замечательный филолог-классик, блистательный переводчик древних и раннехристианских авторов, в 1930-е годы занималась изучением римского сельского хозяйства. Круг ее тогдашних научных интересов определила привитая в детские годы привязанность к земле, а также веяния времени, настойчиво требовавшего от гуманитариев обращения к истории материальной культуры (Гаврилов, Казанский 1993).¹

Определенную роль в научной судьбе М. Е. сыграло общение с Николаем Ивановичем Вавиловым в Саратове, где оба спасались от голода в 1920-е годы М. Е. давала ему частные уроки латинского языка, которые оказались полезными для них обоих. Освоившись с грамматикой, они перешли к чтению «Естественной истории» Плиния (Сергеенко 1987).² Тогда-то Вавилов дал своей учительнице совет заняться переводами сочинений античных авторов-агротехников, а в 1932 г. посодействовал ее поступлению на службу в Институт истории науки и техники АН СССР, в возглавляемую им группу истории сельскохозяйственной техники и сельского хозяйства древнего мира.

В институте М. Е. поручили готовить переводы Катона, Варрона, Колумеллы, Плиния; в 1935 г. партийный агротехник М. И. Бурский, оттеснивший Н. И. Вавилова от руководства группой, на подготовленных М. Е. переводах защитил диссертацию «Агрономы античного Рима» и получил степень доктора сельскохозяйственных наук.³

¹ История советской гуманитарной науки в эпоху тоталитаризма усиленно разрабатывается, начиная с 1990-х годов. В то время исследователи впервые получили возможность обратиться к документам о трагических судьбах ученых, подвергавшихся физическим и моральным репрессиям. Тогда же появилось понятие «репрессированная наука» для обозначения социального явления, охватившего собой не только отдельных ученых или их коллективы, а целые науки или научные направления. Так, востоковеды собрали внушительный материал о своих предшественниках, пострадавших в годы сталинских репрессий (Васильков, Сорокина 2003), для филологов-классиков — это дело будущего. В XXI в. исследователи выбрали путь изучения общих закономерностей развития советской науки, и акцент сместился на роль самих ученых в формировании идеологических схем и в создании мифа о превосходстве советской науки над буржуазной. Современные историки науки об античности тоже занимаются анализом соотношения идеологической и научной составляющих, изучают точки пересечения науки, идеологии и советского государства в этот печальный для науки период нашей истории. С формированием нового подхода изменились исследовательские техники и понятийный аппарат. (Теперь в ходу такие заимствованные из западной историографии выражения, как «ядро», «мейнстрим», «периферия».) Из последних работ см., например, Карпюк 2021; Карпюк, Крих 2019; Крих 2017а, 2020.

² В личном фонде Н. И. Вавилова сохранился фрагмент перевода. См. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФ АРАН). Ф. 803. Оп. 1. Д. 293. Заголовок дела: «Неустановленный автор. Плиний. «Естественная история». Перевод. Фрагмент. Машинопись. б/д. 18 л.

³ По счастью, Бурскому одновременно с докторской степенью в области сельскохозяйственных наук не была присвоена степень доктора исторических наук, о чем ходатайствовали некоторые члены Ученого совета, отметившие мастерские переводы и интерпретацию текстов древних авторов. В противном случае дорога к докторской степени была бы для М. Е. заказана. Подробнее о М. И. Бурском см. Илизаров 2020. В 1937 г. отдельные части и главы из античных сочинений в переводе М. Е. Сергеенко были опубликованы под редакцией и с вступительной статьей Бурского (Катон и др. 1937). В ответ на его поздравление с выходом книги в свет М. Е. написала: «...всей Вашей работой и, наконец, Вашим введением в только что выпущенной книге, Вы заставили нашу науку заговорить советским языком, доходчивым до нашего читателя, и заставили уважать не только

Роль М. Е. не ограничивалась функциями «ученой горничной», как она себя называла. М. Е. занималась анализом социально-экономического развития римского сельского хозяйства и изучением агротехнических приемов.⁴ В италийском «царстве прозябавших» М. Е. чувствовала себя полноправной хозяйкой, к тому же в этом разделе науки не так был страшен «шлагбаум» марксизма, который опускался перед свободным самостоятельным исследованием в других областях исторической науки; работы М. Е. были совершенно свободны от идеологического балласта (Сергеенко 1997, 147; Жмудь 2013, 10–12; Крих 2017b).

13 июня 1938 г. Совет Московского государственного университета утвердил М. Е. Сергеенко в ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации.⁵

В том же году был закрыт Институт истории науки и техники (вскоре после того как был расстрелян создатель и директор института Н. И. Бухарин) и М. Е. перешла в Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, где была организована секция агрикультуры, которую курировал С. И. Ковалев. М. Е. вошла в коллектив авторов IV тома академической «Всемирной истории», От М. Е. Сергеенко требовалось написать раздел «Экономика Италии I–II вв.» объемом 2 л.⁶ Однако ни один из томов по древней истории, создававшихся в предвоенный период, так и не увидел свет.

Перед войной М. Е. намеревалась подготовленные ею отдельные очерки объединить в книгу «Очерки по истории сельскохозяйственного быта древней Италии». По ее словам, «в грозные сентябрьские дни 1941 г.» она как раз закончила первую часть книги. М. Е. осталась в блокадном Ленинграде и в начале 1942 г. представила ее рукопись в качестве докторской диссертации. Ближе к защите в названии работы появился уточняющий подзаголовок: «Очерки по истории италийской агрикультуры».⁷

1. Разделы диссертации

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранились большой фрагмент диссертации с оглавлением всей работы (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 12). Это ма-

историю древней агрономии, но и науку древности. Себе я хочу пожелать работать под Вашей рукой до конца жизни» (Илизаров 2020, 34). Compliment явно приправлен горькой иронией.

⁴ Список трудов М. Е. см. Гаврилов, Казанский 1993, 322–328. М. Е. опубликовала четыре статьи в «Архиве Института истории науки и техники»; две статьи, «Катон и италийское сельское хозяйство» и «Жатва в древней Италии», предназначавшиеся для двух не вышедших томов «Архива», были использованы в диссертации М. Е. и в книге о сельском хозяйстве древней Италии. См.: Сергеенко 1958; Жмудь 2013, 10–12.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 2. Л. 65. Первые несколько лет после восстановления ученых степеней и званий в 1934 г. присуждение ученой степени без защиты диссертации было обычной практикой.

⁶ См. Карпюк, Крих 2019, 140. В Списке печатных трудов М. Е. Сергеенко (1942 г.) в разделе «Готовы к печати» на первом месте стоит очерк «Экономика древней Италии (для Всеобщей истории)». См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 2. Л. 64.

⁷ Окончательное название диссертации: «Очерки по истории сельскохозяйственного быта Древней Италии (Очерки по истории италийской агрикультуры)». См. Воинов 1946, 135–136. В настоящее время полный текст диссертации не обнаружен; в РГБ хранятся диссертации, начиная с 1944 г.

шинописная копия с рукописными вставками рукой М. Е. Сергеенко вводной части работы и центральной главы, всего 136 л.

Судя по Оглавлению, структура работы была такова: после небольшого Введения (с. 1–15, авторская пагинация) следует «Обзор литературы по истории римской агрономии» (с. 15 а — 54); основной корпус диссертации состоял из нескольких очерков: центральная глава «Плодоводство в древней Италии» (с. 56–139), раздел «Жатва в древней Италии» (с. 140–161), потом «О молотье в древней Италии» (с. 162–173) и, наконец, «Плуги древней Италии» (с. 174–218).

Из перечисленных в оглавлении разделов налицо имеются: «Введение» (л. 3–17), «Обзор литературы по истории римской агрономии» (л. 18–57), «Плодоводство в древней Италии» (л. 58–136); остальные главы отсутствуют. Текст главы «Плодоводство в древней Италии» идентичен тексту очерка «Садоводство» в книге «Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии» (Сергеенко 1958, 78–121). Разделы диссертации «Введение» и «Обзор литературы по истории римской агрономии» не были использованы автором и сохранились только в машинописном экземпляре диссертации.

«Очерки» предваряет посвящение: «Памяти родителей моих с любовью и благодарностью посвящаю» (л. 1).

Во «Введении» М. Е. доходчиво, без громких слов, живым остроумным стилем объясняет важность изучения сельской жизни и сельскохозяйственной техники древней Италии, дает оценку положения дел в историографии и ставит целый ряд вопросов, нуждающихся в тщательном исследовании филологом-классиком. Приведем фрагмент этой части работы:

«Трудно найти в истории древнего мира отдел, который был бы так малоизвестен, как жизнь деревни и весь ее сельскохозяйственный быт агрономии и агротехники. Правда, в какую бы область жизни древней истории мы не вступили, на каждом шагу наткнемся на загадки, ключа к которым никак не подбирается, на большие или меньшие пробелы, на спорные вопросы и темные места, на разноречивые и часто противоположные толкования одного и того же текста. Все это свидетельствует, с одной стороны, об относительной бедности того материала, который находится в нашем распоряжении, но в то же время говорит и об энергично производимой работе, неустанных поисках, счастливых гипотезах и остроумных комбинациях. Единственный участок древней истории, где нас встретит почти совершенное затишье, покой почти абсолютный — это хозяйственный быт античной деревни, сельскохозяйственные работы, их технике, орудия, которыми они производились. Никаких работ, как правило, здесь не производится, вопросов не поставлено, собранный материал не проверен и не прокомментирован, методов не выработано. Немыслимо представить себе античника, который, рисуя картину хозяйственной жизни Рима в I в. н. э., пользовался бы, наравне с Колумеллой и Плинием, также и материалом, имеющимся в катоновской книге о сельском хозяйстве. Между тем, для ученого, который в той или иной мере занят сельским бытом древнего мира, такое явление заурадно и, можно сказать, традиционно. Чуть ли не самая крупная работа по этим вопросам, написанная в 1928 г. (R. Billard, *Les Géorgiques de Virgile*, Paris), в сущности говоря, нисколько не сдвинулась с тех позиций, на которых за 70 лет до появления ее стоял Магерштедт; статьи по сельскому хозяйству, имеющиеся в словаре Паули-Виссова, сплошь и рядом напоминают собой кладовку хло-

потливой, но беспорядочной хозяйки, которая сносит к себе в дом превосходные вещи, но совершенно не умеет ими распорядиться: материал собран почти всегда с исчерпывающей полнотой, но лежит беспорядочной грудой; о том, чтобы разложить его по отдельным полкам, поставить в какой-то исторической перспективе, связать с окружающей обстановкой — обо всем этом нет и речи. Западная наука по сие время не имеет у себя ни одного систематического руководства по истории сельскохозяйственного быта древнего мира. Интерес к этим вопросам на Западе чисто случаен, и работы разрознены. У нас дело обстоит иначе. Можно сказать, что СССР — единственная страна, где эта тема стоит в порядке дня и проводится систематически и планомерно. И у нас, однако, этой отрасли классической филологии приходится вести жизнь трудную и все время отстаивать свои права на существование. В кругах античников-специалистов вопросы с/х быта до сих пор рассматриваются как нечто, не заслуживающее внимания. При всем интересе нашей исторической науки к материальной культуре не так-то легко найти журнал, где можно было бы поместить статью, трактующую какой-либо из вопросов, касающихся хозяйственного быта древних. К человеку, интересующемуся тем, как пахали землю или кормили скот, филологи до сих пор относятся с несколько пренебрежительной снисходительностью, как к отсталому ученику, которому по убожеству отпущенных ему способностей во всем богатстве и разнообразии исторического процесса ничего не дано видеть, кроме коровников. Вполне законно, конечно, интересоваться вооружением римского солдата или тем, как чеканили в Афинах монеты. Так как римляне покоряли мир не голыми руками, а с помощью какого-то вооружения, то меч, катапульта и пр. загораются всем блеском всемирно-исторического значения, и Вегетий предлагается вниманию читателя, интересующегося древним миром, как документ огромной культурной важности. Монеты тоже важны, ибо они имеют отношение к экономике, значение которой никто не оспаривает. Неужели, однако, кучи навоза, которые раскладывали на каком-то поле две тысячи лет тому назад, до сих пор имеют право на внимание, и неужели истории, настоящей истории, есть какое-нибудь дело до того, пользовались ли римляне при молотье цепом или обколачивали свой хлеб простой палкой?

Эти вопросы отнюдь не имеют чисто риторического характера. Отсутствие на Западе систематических руководств по занимающему нас вопросу и его полупризнание у нас убеждают в необходимости защищать эту область исторического народоведения, доказывая ее право на существование. Если на Западе такая мысль никому не пришла бы в голову, то это объясняется тем, что западная наука до самого последнего времени бережно и бездумно хранит традицию внимательного изучения всех остатков древности только потому, что это древность. На вопрос о праве навозных куч (л. б) каждый образованный человек на Западе ответил бы академически-почтенным и бесспорным соображением, которым, конечно, руководятся и немецкие ученые, беспрекословно отводящие в своих *Handbüchern*, между прочим, место и сельскохозяйственным древностям. Прошлое должно быть изучено и понято во всей своей полноте: каждый уголок его имеет право на то, чтобы стать темой пристального изучения. Человек, интересующийся, напр., древним миром, не может оставить без внимания повседневной и обычной жизни изучаемых им народов: земледелие и скотоводство должно по праву занять себе место среди так называемых «частных древностей». Если можно интересоваться тем, что ели и как

одевались древние, то почему не спросить себя и о том, как они пахали землю и запрягали своих волов?

Ни один человек, причастный к исторической науке, не посмеет открыто выступить против такой аргументации, но по совести говоря, только самый отвлеченный и отъявленно академический человек остановится на ней со спокойной совестью и полным удовлетворением. Прошлое имеет, конечно, свои права, но имеет их и наше время, и ему естественно настаивать на этих правах требовательно и властно. К числу таких неоспоримых прав принадлежит и право не тратить времени на второстепенные мелочи, гнаться за главным, стремиться к обобщениям, объясняющим не только прошлое, но проливающим свет и на будущее. В такие эпохи, как наша, когда место повседневной жизни заняли исторические события, прошлое трудно рассматривать академически и уважать его только потому, что это прошлое: его втягивают в гущу современности и требуют от него наставлений, советов и предсказаний. Только то, что идет ко двору современности и ее людям, создающим историю, способно вызывать у нас подлинный, согретый творческим огнем, интерес». ⁸

Далее М.Е. анализирует причины, выдвигающие хозяйственный быт италийской деревни «в число научных разделов, обладающих животрепещущей жизненностью». ⁹ Во-первых, источники дают обильный материал для этнографа, занимающегося современным деревенским бытом Средиземноморья. Во-вторых, «мы никогда не поймем экономического положения древней Италии ни в одну эпоху ее существования, если не будем знать светлых и темных сторон ее сельского хозяйства, объяснения которым сплошь и рядом приходится искать в истории ее сельскохозяйственной техники». ¹⁰ Более того, «пока мы не будем знать этой агротехники, мы будем в состоянии только беспомощно повторять зады о рабовладельческом хозяйстве и вынуждены будем игнорировать конкретные упрямые факты, объяснить которые нам окажется не по силам. Почему, в самом деле, рабское хозяйство отзывалось так губительно на полевом хозяйстве, а в плодоводстве привело, наоборот, к поразительным результатам? <...> Самый характер италийского хозяйства со всеми его неожиданными для нас особенностями никогда не будет нами понят без внимательного изучения его техники и ее историческом развитии и в ее социальном аспекте». ¹¹ В-третьих, античность может преподавать не один практический урок для современности, ведь, «италийская народная агротехника представляет собой, в конечном счете, сводку вековых размышлений, богатейшего опыта и приспособления к данной земле и данной обстановке». ¹²

М.Е. осторожно прошла между Сциллой и Харибдой требований, предъявляемых к квалификационным работам в СССР, не поступившись научными принципами, сохранив профессиональное достоинство и здоровое отношение к окружающей действительности.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 12. Л. 3–7.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 8.

¹¹ Там же. Л. 8–9.

¹² Там же. Л. 11–12.

Основной части работы предпослан прекрасно написанный, не лишенный полемического задора «Обзор литературы по истории римской агрономии».¹³ Симпатии М. Е. целиком лежат на стороне тех авторов, которые имели склонность к сельской жизни и не понаслышке знали о повседневном земледельческом труде.

Основоположителем истории античной агрокультуры М. Е. называет шотландца Адама Диксона.¹⁴ К числу его огромных достоинств она относит «уменье, читая автора, не навязывать ему с радостной стремительностью собственных мыслей, а слушать то, что говорит данный автор»;¹⁵ М. Е. отмечает его практический подход к изучению земледелия древних, для нее важно, что «он сам проверял на опыте советы латинских агрономов, производил рядовой посев и мотыжил хлеб по рецепту Колумеллы и Плиния. Это придает его книге пленительную свежесть какой-то неуязвимой жизненности, которую напрасно было бы искать в целом ряде позднейших работ, посвященных тем же вопросам».¹⁶

Адольф Фридрих Магерштедт, пастор из захолустного Зондерсгаузена, не принадлежал к профессиональным ученым.¹⁷ Большой эрудит, сам бывший сельским хозяином, он собрал богатейший материал по всем отраслям сельского хозяйства древней Италии и представил его в многотомном труде,¹⁸ заняв в нем «наивную и трогательную позицию античного человека, обращающегося к своим современникам».¹⁹ Хотя о научности представленных им «Картин» говорить не приходится, они являются ценным справочным пособием.²⁰

Обращаясь к анализу энциклопедического словаря Паули-Виссовы, М. Е. признает неоспоримые достоинства этого фундаментального труда. Но статьи по полеводству ее не удовлетворяют, так как авторы не считаются с хронологическими и местными особенностями: «Факты, приводимые у Паули-Виссовы, обычно вполне соответствуют тому, что рассказывают наши источники, но весь процесс удобрения, сева, жатвы, мотыженья — в том виде, как он изложен в этих словарных статьях, лишен внутренней, настоящей верности: это только бледный силуэт того, что происходило в действительности».²¹ Суровый приговор вынесла М. Е. статье С. Дориньи «*Rustica Res*» в Словаре античности Дарамбера и Сальо (Dorigny, 1873): «В статьях Паули-Виссовы есть ошибки, но они обычно не бывают грубыми, и их надо отыскивать; в статье Дориньи надо отыскивать то, что верно, причем находок

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 12. Л. 18–57. О практике «ритуальной» ругани по адресу «реакционных буржуазных ученых» см., например: Медведев 2020, 281–300.

¹⁴ Dickson, 1788.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 12. Л. 22. Здесь имплицитно выражена собственная позиция М. Е. Ср. ее воспоминания об уроках научной честности, полученных на Бестужевских курсах, где она выучилась «прилежно на всю жизнь основной заповеди всякой филологической работы: учиться у автора, а не учить его, навязывая ему мысли, которых нет в тексте, но под которые можно подогнать текст» (Сергеенко 1973, 201).

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 12. Л. 21.

¹⁷ Там же. Л. 25–30.

¹⁸ Magerstedt 1859–1862.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 12. Л. 29.

²⁰ «Он не всегда бывает точен, — подытоживает свой обзор М. Е., — и его ссылки непременно нужно проверять, но им была выполнена, действительно, колоссальная работа по собиранию материала, за которую до сих пор — при всем изменении наших установок и наших требований по истории агрокультуры, мы должны быть обязаны и благодарны скромному зондерсгаузенскому пастору»: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 12. Л. 28–29.

²¹ Там же. Л. 38. М. Е. подробно анализирует статьи Олька и Орта: Olck, 1907; Orth, 1912.

окажется не так уж много». ²² С большой осторожностью М. Е. советует относиться к полезной, но устаревшей главе о сельском хозяйстве в книге Г. Блюмнера (Blümner 1911, 533–589). ²³

М. Е. дает высокую цену книге Бийяра (Billard, 1928), которая представляет собой развернутый реальный комментарий к «Георгикам» Вергилия и помогает оценить его значение как писателя сельскохозяйственного, ведь «Бийяр сопоставляет советы Вергилия с современной сельскохозяйственной практикой и первым попытался провести границу между сельскохозяйственными приемами в бедном и богатом хозяйстве. Некоторые недочеты его книги М. Е. считает вполне прощательными, но она не прощает автору игнорирование исторической перспективы, которое, по ее мнению, особенно сильно сказывается в главах, посвященных животноводству». ²⁴ Впрочем, за отсутствие исторической точки зрения М. Е. критикует всех своих предшественников.

2. Тезисы к диссертации М. Е. Сергеенко

“Очерки по истории италийской агрикультуры” ²⁵

Некоторое представление об отсутствующих в диссертации очерках можно составить по оглавлению и «Тезисам» (предтеча нынешнего автореферата) с изложением основных выводов и наблюдений М. Е. ²⁶

1. Италийское садоводство стоит в тесной связи с греческим: италийские садоводы учатся у своих греческих соседей тому, как ухаживать за плодовыми деревьями. Кампания играет для центральной Италии роль настоящей садоводческой школы. ²⁷
2. Крестьянское садоводство, сведения о котором можно извлечь из Вергилия, не имеет большого значения и развитии италийского садоводства вообще: культурное садоводство мы имеем в поместьях богатых рабовладельцев и в усадьбах садовников-профессионалов ²⁸.
3. Громадная заслуга в деле развития италийского садоводства принадлежит рабам из М. Азии и Греции — опытным садовникам, привозившим с собой в италийские сады основательное знание садового дела. ²⁹
4. *Arpicus hortus* (солнечный сад) Цицерона (*Ad fam.* 16.18) представлял собой участок сада, защищенный кирпичной стеной с севера. ³⁰
5. Посадка деревьев при помощи *progratio* является пережитком старины: в промышленном садоводстве ее постепенно оставляют. ³¹
6. Италийские садоводы II в. до н. э. в Кампании и в Лации были осведомлены во всем существенно важном в области садоводства; позднее время внесло сюда только некоторые изменения и поправки второстепенного значения.

²² Там же. Л. 43; перечень ошибок: 43–48.

²³ Там же. Л. 41–43.

²⁴ Там же. Л. 48–57.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 12. Л. 53–55. Дата написания «Тезисов» — 5 июня 1942 г.

²⁶ О требовании вместе с диссертацией представлять тезисы: Инструкция 1936.

²⁷ Сергеенко 1958, 83.

²⁸ Там же, 85–86.

²⁹ Там же, 87–90.

³⁰ М. Е. опровергает мнение о том, что «солнечный сад» был теплицей (Сергеенко 1958, 93).

³¹ Речь идет об отводке: Там же, 1958, 93–94.

7. Наилучшее представление в обрезке деревьев в древней Италии дают памятники изобразительные: фрески и мозаики.
8. Садоводческими центрами в Италии являются Лация и Кампания. Великая Греция (гл. обр. Тарент) и Сев. Италия. Каждый из этих центров связан с определенным рынком: для Лация и Кампании таковым является, по преимуществу, Рим; для Тарента — юг Италии и Греция для Сев. Италии — города Цисальпинской Галлии.³²
9. Севиевы и Тураниевы груши были сортами, выведенными в долине По, что позволяют утверждать надписи, свидетельствующие о том, что именно сев. Италия была главным местопребыванием Севиев и Тураниев.³³
10. Матиевы яблоки следует связывать не со всадником Матием, другом Цезаря и Августа, а с одной деревней возле Аквилеи.³⁴
11. Нельзя рассматривать итальянский плуг как нечто единое: плуги древней Италии были весьма разнообразны, как свидетельствуют об этом и литературные памятники и памятники изобразительные.
12. На римских монетах последнего века республики изображается в качестве магистратского символа «римский плуг», о котором мы впервые слышим от Катона. Плуг этот представляет собой видоизмененный этрусский плуг.³⁵
13. Плуг с монет Капитона повторяет тип плуга, представленного статуэткой из Теламоне.³⁶
14. Плуг с монеты Пизона Фруги является прототипом кельнского Wessel'я.³⁷
15. Плуг, описание которого мы имеем у Вергилия, представляет собой старинный этрусский плуг того типа, который представлен статуэткой из Теламоне.³⁸
16. Колесный плуг появился в Италии позже и принесен туда от галлов. Вергилий колесного плуга не знает: из того, что он называет плуг *currus*, нельзя делать заключения, будто плуг этот колесный.³⁹
17. Жатва производилась в Италии весьма целесообразно: нападки современных историков на итальянских хозяев, нецелесообразно будто бы тративших время на двойную работу, несправедливы.⁴⁰
18. Уборочное орудие, описанное Варроном, но не названное им, представляет собой нечто вроде гребня для счесывания колосьев. Им работали в Пицене и *ager Gallicus*. Гребень этот, по-видимому, старинное уборочное орудие галлов.⁴¹
19. Объяснение этого орудия в современной литературе, рассматривающей его как серп или даже косу, совершенно неправильно.⁴²
20. Жатка, описанная подробно Палладиумом, представляет собой дальнейшее развитие и усовершенствование этого орудия.⁴³

³² Сергеенко 1958, 107–116.

³³ Там же, 116–117.

³⁴ Там же, 117–118.

³⁵ Там же, 215.

³⁶ Там же, 45–47.

³⁷ Там же, 47; 52–53; 209.

³⁸ Сергеенко 1958, 49.

³⁹ Там же, 50–51.

⁴⁰ Там же, 64–65.

⁴¹ Там же, 65–68.

⁴² Там же, 216–217.

⁴³ Там же, 216.

21. *Falx veruculata* — это серп, снабженный кольцевидным придатком вроде того, который изображен на саркофаге Анния Октавия Валериана. Понимать под *falx* серп, как это делают, совершенно невозможно.⁴⁴
22. *Mergae* — это уборочное орудие вроде астурийских *messorias*. Путаница, которую внес в объяснение этого орудия Фест, объясняется тем, что, исходя из современной ему практики, он не понял процесса работы, описанного Веррием.⁴⁵
23. Цеп древней Италии состоял из двух частей, а не был простой палкой, как думает Мейер-Любке (Meyer-Lübke 1909).⁴⁶
24. На монетах Л. Папия изображены в качестве магистратских символов цеп, состоящий из двух частей, и корзина, в которой вымолоченное зерно поднимали в амбар или опускали в ямы, где хранилось зерно.⁴⁷
25. Двойчатые цепи употреблялись, если не по всей Италии, то, несомненно, в Лации.⁴⁸
26. На монетах Росция Фабата изображена трага. Нельзя видеть в этом предмете скребницу, тем более, что в древней Италии скребницы для чистки лошадей не употреблялись.⁴⁹
27. Трага была не только молотильным прибором, но служила и для собирания в кучу обмолоченной соломы.⁵⁰

Таким образом, «Тезисы» отсылают нас к соответствующим главам книги 1958 г.: разделы диссертации о полевом хозяйстве («Жатва в древней Италии», «О молотье в древней Италии» и «Плуги в древней Италии») соответствуют главам книги «Обработка хлебного поля» и «О жатве и молотье».

3. Отзывы оппонентов

Диссертация М. Е. Сергеенко имела междисциплинарный характер, и ее оценка требовала отзывов специалистов в области филологии, истории и ботаники. Оппонентами на диспуте выступили чл.-корр., доктор филологических наук И. И. Толстой, проф., доктор исторических наук С. И. Ковалев и доктор биологических наук А. П. Ильинский. Не сразу было достигнуто согласие в отношении того, относится диссертация к области филологии или истории. Кое-какие сомнения на этот счет были у С. И. Ковалева, но, в конце концов, и он склонился в пользу филологии.⁵¹

«Включение ботаника в число оппонентов диссертации, защищаемой на филологическом факультете, глубоко симпатично», — начал свой отзыв профессор Ботанического института им. В. Л. Комарова *Алексей Порфирьевич Ильинский* (1888–1945), признанный авторитет в области географии растений и геоботаники, автор фундаментального труда «Растительность земного шара» (1937). А. П. Ильинский не присутствовал на заседании (его, совершенно обессиленного, по «Дороге жиз-

⁴⁴ Там же, 68–70.

⁴⁵ Там же, 71–72; 218–219.

⁴⁶ Там же, 72; 219.

⁴⁷ Там же, 72–75.

⁴⁸ Там же, 75.

⁴⁹ Там же, 77.

⁵⁰ Там же, 76–77.

⁵¹ Как отмечено в протоколе заседания, «читая диссертацию, Ковалев спрашивал себя, какой ученой степени заслуживает автор, д-р истор. или филол. наук, и склонился в пользу филологии»: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 11. Л. 12.

ни» вывезли на Большую землю, в Казань), но его отзыв был прочитан на заседании.⁵²

А. П. Ильинский дает краткий обзор содержания каждой из глав диссертации, находит наблюдения и соображения М. Е. меткими и убедительными. Оппонент отмечает, что «автор указывает на экономическое значение этой отрасли хозяйства, дает ассортимент плодовых, приводимый Катонем, отмечает греческое происхождение итальянского плодоводства, а для некоторых сортов и место их возникновения, показывает постепенный рост ассортимента плодовых, в связи с завоеваниями римлян».⁵³

По поводу не сохранившихся в рукописи глав диссертации А. П. Ильинский пишет следующее: «автор дает очень детальную картину жатвы, чрезвычайно остроумно и убедительно реконструирует по описаниям своеобразный жатвенный прибор, применявшийся римлянами, и его эволюции. В очерке, посвященном молотбе, автор доказывает, что орудие, изображенное на папиевой монете, не коса, а цеп, состоящий из двух частей, и затем пытается реконструировать загадочную трагу».⁵⁴

А. П. Ильинский сожалеет лишь о том, что «автор, столь успешно разгадавший целый ряд агротехнических загадок и темных мест, не уделил внимания самим объектам сельского хозяйства — растениям. Тогда бы можно было избежать не только столь очевидных промахов, как переименование бобовых в стручковые, но и ошибочных утверждений вроде того (стр. 68), что «в Италии дикие... вишни росли целыми лесами». Вишня в Италии дико не встречается и лесов нигде не образует».⁵⁵ Но это были самые серьезные из замеченных им огрехов. Оппонент высказал желание расширить работу разделами о вспашке и посеве, о заготовке кормов и о животноводстве в целом, что впоследствии М. Е. и сделала.

Оценку диссертации с точки зрения филологии дал *Иван Иванович Толстой* (1880–1954), тонкий знаток античного фольклора и мифологии, последний филолог-классик, избранный в Академию наук (1938). В 1941–1942 гг. он занимался темой «Античная сказка» (Кольцов, 1962, 101).

И. И. Толстой не в первый раз участвовал в докторском диспуте в осажденном городе: 11 ноября 1941 г. он (вместе с С. А. Жебелёвым и проф. А. А. Смирновым) выступал в Ленинградском университете в качестве оппонента диссертации И. М. Тронского «История античной литературы» (Каганович 2008).

И. И. Толстого и М. Е. Сергеенко объединяло направление исследовательских устремлений, верность традициям петербургской историко-филологической школы и убеждение в нравственной основе научного труда; их дружба была давней и крепкой и продолжалась всю жизнь. Дом Толстых, И. И. Толстого и С. В. Меликовой-Толстой, у которой М. Е. прошла строгую школу на Бестужевских курсах, был для М. Е. «университетом на дому».⁵⁶

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 11. Л. 50–52 (А. П. Ильинский. Отзыв о работе М. Е. Сергеенко «Очерки по истории итальянского сельскохозяйственного быта», представленной на соискание степени доктора филологических наук).

⁵³ Там же. Л. 50 об.

⁵⁴ Там же. Л. 51.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Определение дано самой М. Е. См.: Гаврилов, Казанский 1993, 321.

Отзыв о диссертации М.Е.Сергеенко И.И.Толстой написал в начале февраля 1942 г. Судя по заголовку и дате (7 февраля 1942 г.) отзыва, первоначально М.Е. предполагала пройти защиту в Ленинградском университете, но после его эвакуации в конце февраля представила диссертацию в Академию наук (об этом см. ниже).

В пространном и обстоятельном отзыве И.И.Толстой дает анализ основных положений диссертации, теплым словом оценивает заслуги М.Е. в изучении древнего сельского хозяйства; мягко упрекает ее в излишней горячности в критике западных (т.е. буржуазных) историков. Попутно дается перевод зазывного выкрика торговца яблоками (М.Е. оставила эту цитату без перевода и в диссертации, и в книге); ласковое обращение к покупательницам «хозяйюшки мои» позволяет уловить характер персонажа и оживляет бытовую сценку.

Отзыв И.И.Толстого сохранился в рукописном и машинописном виде и воспроизводится полностью по машинописному тексту:⁵⁷

Отзыв о диссертации М.Е.Сергеенко на тему «Очерки по истории сельскохозяйственного быта древней Италии, Ленинград, 1942», представленной ею в ЛГУ на соискание ученой степени доктора филологических наук

(л. 37) Работа Марии Ефимовны Сергеенко «Очерки по истории сельскохозяйственного быта древней Италии» является солидным научным исследованием одной из важнейших, но вместе с тем еще и мало пока изученной области культуры античного мира. Книга распадается на несколько глав, внутренне одна от другой независимых, но в совокупности образующих все же нечто цельное. После небольшого **введения**, написанного на редкость просто, без широковещаний и без тех общих мест, с какими обычно встречаешься во всякого рода «введениях», следует очень деловой библиографический обзор литературы по истории римской агрономии. Основная глава посвящена теме **плодоводства** античной Италии и снабжена, опять-таки очень деловым и трезвым критическим анализом современной ученой литературы по древнеиталийскому садоводству. Далее идет глава о **жатве**, потом глава о **молотьбе** и, наконец, глава о **пахоте**. Дополнительно следует обширный этюд о **плугах** древней Италии.

Таков внешний план диссертации. Внутренняя важность затрагиваемых в ней вопросов, имеющих общенаучную значимость, намечается автором уже в самом начале работы: исходя из неоспоримо прочного положения о том, что «древняя Италия была в значительной степени страной земледельческой», тов. Сергеенко на стр. 5 своего **Введения** правильно замечает, что «только тогда, когда по-настоящему будет написана история сельского хозяйства» античной Италии, «можно будет дать подробный и разработанный очерк экономики ее для **различных периодов**». Требование историзма и концепции общей картины форм античного сельского хозяйства, неизбежно и естественно (л. 38) изменявшихся на протяжении времени, является одним из основных требований автора книги, к которому он неоднократно в ней и возвращается.

⁵⁷ СПбФ АРАН. Ф.2. Оп. 19. Д.12. Л.14–36. Рукопись с авторской правкой. Автограф И.И.Толстого, Л. 37–44. Машинопись.

Марию Ефимовну занимают двоякого рода вопросы: во-первых, древнеиталийская сельскохозяйственная **техника**; во-вторых, вопросы **экономики** и **социологии**, в частности — вопросы **фруктового рынка** древней Италии и тех живых человеческих **сил**, которые непосредственно участвовали в создании и развитии италийского плодоводства. Главными среди этих сил, считает она, с одной стороны, хозяйство римских богатых земельных собственников, а с другой — садоводства мелких свободных производителей. «Можно сказать, — говорит она на стр. 68, — что крестьянское садоводство в общеиталийском масштабе не имело значения: не крестьяне поставляли на рынок главную массу фруктов; не они возились с деревом, наблюдали за ним, выводили новые сорта. Столбовая дорога рационального и прогрессивного садоводства пролегла, с одной стороны, в садах людей богатых и знатных, а с другой — в садах садоводов-профессионалов».

С большой силой убедительности последовательно устанавливает тов. Сергеенко путем внимательнейшего анализа весьма разнообразного материала своих источников плодовоовощные центры Италии, входит в рассмотрение вопросов местного фруктового экспорта и самой организации дела торговли фруктами, «бывшими в Италии предметом всеобщего потребления» (стр. 129), выдвигая вперед свою собственную, свежую и, как мне кажется, вполне здравую мысль о том, что «обилие садов в Лации и Кампании объясняется, конечно, в первую очередь причинами (л. 39) экономическими: удобным и выгодным сбытом фруктов тут же на месте (стр. 129 и 130). Особо рассматривается ею вопрос о фруктовых сортах, дорогих и дешевых, меняющихся по сезонам, нежных и крепких, таких, которые рассчитаны были только на близкий и таких (как, например, в Таренте), которые рассчитаны были на более далекий транспорт. Осторожно затрагивает Сергеенко и проблему рыночных цен на плоды.

А наряду с экономикой исследовательницей изучается социальное лицо италийских садоводов. Это, прежде всего — **рабы**, всего чаще (по предположению Марии Ефимовны (стр. 71), которое и мне представляется весьма заманчивым) — **греки**, греческие рабы-садовники; а затем и свободные мелкие садоводы, работавшие на сбыт. Говоря о сбыте, Сергеенко подчеркивает пестроту форм античной фруктовой торговли, начиная торговлей с лотка и кончая организацией фруктовых больших магазинов, богатых фруктовщиков на римской богатой улице **via Sacra**. Дифференцирована в книге и категория потребителей: богачи, среднего достатка люди и представители тех беднейших, главным образом — **сельских** слоев, «не малую часть зимнего пропитания которых» (стр. 129) составляли сушеные фрукты, преимущественно яблоки, груши и винные ягоды.

Еще подробнее разбирает Мария Ефимовна Сергеенко вопросы италийской **сельскохозяйственной техники**, зачастую входя в очень мелкие технические детали. Подробнейшим образом изучен ею уход за садом: рассмотрены способы рассады, посадки черенками, выкопки ям, обработка питомника, поливка плодового дерева, обрезывания его веток, унаваживания и т. д., и т. д.

Не меньше внимания уделяется автором изучению и самых орудий (л. 40) сельского хозяйства, причем множество интересных выводов, предлагаемых Марией Ефимовной, является результатом ее собственных внимательных вчитываний в тексте древних и столь же внимательных сопоставлений их с памятниками материальной культуры античной Италии. База источников Марии Ефимовны очень широка: в основном — римские писатели, в первую голову, Катон и Колумелла, затем Вергилиевы «Георгики», потом Плиний, Варрон, геопоники, Палладий. Но привлечены и данные археологии

и нумизматики, скульптура, живопись, помпейские фрески, монеты и такие, например, ценные для ее задач памятники, как римские вазы с надписями «*mala Campana*», то есть «Кампанские яблоки». Плодотворно использована Марией Ефимовной и римская просопография: ссылки на надписи, по **Corpus inscriptionum Latinarum**, почти что не сходят со страниц ее диссертации. Нельзя не отметить такой и еще одной, с моей точки зрения, тоже весьма положительной особенности работы, стремления исследовательницы постоянно проверять явления античного быта аналогичными явлениями, характерными и для новой Европы. Так, ссылаясь на работу Дмитрия Константиновича Зеленина о русской крестьянской сохе, дающей для одной только Вятки до тридцати различных видов, Сергеенко (стр. 178) говорит: «Представить себе, что по всей древней Италии, при всем разнообразии почв, климата и возделываемых культур, пахали неизменно одним и тем же плугом, было бы просто нелепостью». В свою очередь, однако же, именно изучение **современного** итальянского плуга во всех его разновидностях и позволило тов. Сергеенко прийти к тому весьма поучительному и, думается, абсолютно (л. 41) верному заключению (стр. 173), что «из-за современного **итальянского**», перед нами встает «старый **этрусский плуг**».

Перехожу к возражениям.

Впрочем, в книге Марии Ефимовны нет, в сущности, ничего, что могло бы с моей стороны вызвать **возражения** в подлинном смысле этого слова: прямых разногласий у меня с ней нет. Сделать я собираюсь только несколько замечаний по некоторым частностям. Основное мое замечание состоит в следующем. В своей работе Мария Ефимовна не раз упрекает западных исследователей античной агрономии, старых, новых и даже самых новейших, в том числе и Бияра (**Billiard**) за их безразличие к исторической перспективе. Справедливо нападает она на безусловно ошибочную в этом отношении общую установку новейших статей по агрономии римлян в лучшей сейчас иностранной энциклопедии по классической филологии Pauly–Wis-sowa. Привожу собственные слова Марии Ефимовны (стр. 34): «Кажется, что 60 лет, отделяющих, — говорит она, — Картины (*Bilder aus der Römischen Landwirtschaft*), написанные захолустным немецким пастором Магерштедтом, от статей словаря-справочника, должны стоять на уровне современной науки, будто и не было». Мария Ефимовна негодует. «Явления, — так продолжает она, — описываемые авторами этих статей», приурочиваются ими не к «определенному месту и времени», а к «некоей, находящейся вне всяких временных и пространственных связей **античности**. Вместо живого конкретного явления, тысячами нитей связанного с окружающей обстановкой, получается какая-то **абстракция**, никогда на самом деле не существовавшая». Требование историзма само по себе требование, безусловно, правильное и здоровое, но может (л. 42) быть выдвинуто оно Марией Ефимовной с излишней строгостью: ведь его осуществить в полной мере, так именно, как это, очевидно, ей бы действительно и хотелось, далеко не всегда удастся и ей самой. И сама она чаще всего противопоставляет и одну с другой сравнивает только две эпохи: II век до н. э. и I век н. э. А происходит это, собственно, потому, что каждый добросовестный исследователь, — а к их числу принадлежит и Сергеенко, — прежде всего зависит в своей работе от характера и состава своих источников, главными же литературными текстами, освещающими нам римскую агрономию, служат — Катон для II столетия до н. э., Колумелла для I века империи. Всякому, однако же, полагаю я, ясно, что замечание мое касается не существа требования, а лишь некоторой резкости его формулировки у Марии Ефимовны, недостаточно считавшейся с возможностями его фактической реализации за пределами оговариваемого мною здесь периода.

В пределах же упомянутого хронологического отрезка Мария Ефимовна как раз проделала огромную и совершенно самостоятельную, только ею самой впервые предпринятую работу: точное установление разницы в ширине диапазона агрономических советов римскому сельскому хозяину, предлагаемых Варроном и «Георгиками» Вергилия, и теми, с какими позже обращается к своему читателю Колумелла, проведено ею блестяще, как в диссертации, так и в особой, специальной статье по тому же вопросу, напечатанной ею в **Трудах института по истории науки и техники** (серия I, вып. 9). Вполне оценила Сергеенко и историческое значение факта перевода чужеземного агрономического трактата карфагенянина Магона с финикийского языка на латинский. Равным образом в большую заслугу Сергеенко надлежит поставить (л. 43) и выясненное ею расхождение двух направлений в римской агрономической литературе: традицию Феофраста, то есть греческое течение, и течение национально-римское, представленное нам Катонем (стр. 86).

И, наконец, еще одно, правда, уже совсем мелкое замечание: почему, занимаясь историей италийского плуга и привлекая к ее освещению не только копенгагенскую бронзу середины последнего тысячелетия до н.э., изданную Софусом Миллером, но и танагскую терракоту VII века (стр. 165), Мария Ефимовна, как будто вовсе оставила в стороне древнейшее описание **греческого**, беотийского плуга у Гесиода, в его «Трудах и днях»? Думается, и оно могло бы ей тоже в какой-то степени пригодиться.

Встречаемся мы в диссертации Марии Ефимовны и с пустяковыми, но тем более досадными недосмотрами. Так, на стр. 15 (по крайней мере, в том экземпляре книги, который находился в моем распоряжении) в цитате заглавия одной из старейших работ по античному сельскому хозяйству, а именно, книги Диксона, пропущен год ее первого издания. Или еще пример: на стр. 132 (моего опять-таки экземпляра), там, где Мария Ефимовна ссылается на сенжерменский рельеф, дающий изображение римского фруктошника-разносчика и античную же пояснительную к этому изображению латинскую надпись, сохранившую нам профессиональный выкрик древнеримского рыночного торговца, каким тот зазывал своих покупательниц («Яблоки! Хозяюшки! Хозяюшки мои!») (**Mala, mulieres, mulieres meae!**), опять нет указания на публикацию этого замечательного памятника, столь интересного и в историко-бытовом плане.

Но спешу подвести итог.

(л. 44) Считаю, что строго научная и при том ценная по собранному в ней и тщательно обследованному самим автором материалу старых и новых фактов, работа доцента М. Е. Сергеенко «Очерки по истории сельскохозяйственного быта древней Италии», одновременно и глубоко содержательная, и живая, и — отмечу вдобавок — написанная замечательно ясным, простым и безупречно хорошим русским языком, дает ее автору, по моему не подлежащее никакому сомнению право на получение искомой им высокой ученой степени доктора филологических наук, присуждение которой Марии Ефимовне Сергеенко я здесь горячо и поддерживаю. Думаю также, что ее работа, ввиду ее научной ценности, как представляющая и теоретический, и научно-практический интерес и для филологов-классиков, и для историков агрономии и естествоведов, непременно должна — в форме ли отдельных статей, ее образующих, или разом вся целиком, как есть, — быть при первой возможности напечатана.

Член-корреспондент Академии наук СССР

Профессор

Ленинград,

7 февраля 1942 г.

Ив. Толстой

По сравнению с рафинированным интеллигентом И.И.Толстым второй оппонент, *Сергей Иванович Ковалёв* (1886–1960), казался человеком другого покроя. Учеба в университете, где его учителями были М.И.Ростовцев, С.А.Жебелёв и А.А.Васильев, затянулась почти на десять лет. С.И.участвовал в Первой мировой и гражданской войнах; в Красной армии он оказался в роли лектора-пропагандиста, обнаружив недюжинный ораторский талант и умение укладывать сложный исторический материал в заданную схему; похожими приемами он пользовался, пересаживая отечественное антиковедение на марксистскую почву. Ковалёв пережил арест, обвинения во вредительстве и методологических ошибках; во время короткой «бериевской оттепели» был освобожден.⁵⁸ Во время войны работал над «Историей Рима» (Фролов 1986).

Отзыв С.И. о диссертации М.Е.Сергеенко датирован 14 апреля 1942 г. Оппонент сразу переходит *in medias res*, высоко оценивает ее вклад в изучение древнего сельского хозяйства и делает ряд дельных замечаний (М.Е. учит их в своей книге 1958 г.). Обычно чуткий к идеологическому настрою рецензируемых работ, в данном случае он воздержался от упреков по поводу отсутствия в диссертации цитат классиков марксизма-ленинизма. Отзыв С.И.Ковалева сохранился в рукописном и машинописном виде; мы публикуем его по окончательному машинописному тексту.⁵⁹

Отзыв о работе М. Е. Сергеенко «Очерки по истории сельского быта древней Италии», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук⁶⁰

(л. 48) М.Е.Сергеенко является лучшим знатоком в СССР римской агротехники и одним из крупнейших специалистов этой отрасли науки в Европе. В течение ряда лет она печатает в различных изданиях («Труды Института истории науки и техники АН СССР», «Известия ИИМК» и др.) небольшие статьи и этюды по римской с. х. технике, написанные изящным, иногда даже несколько изысканным языком («К истории оливкового хозяйства в др. Италии», «Удобрение хлебных полей в др. Италии», «Агротехнический совет в римской с.-хоз. литературе» и много других). Одних этих этюдов в их совокупности было бы, строго говоря, достаточно для присуждения ей степени доктора как крупнейшему специалисту.

Ныне М.Е. объединила несколько таких этюдов под общим названием в качестве единой работы на соискание степени доктора филологических наук.

Диссертация распадается на следующие части: 1) Введение, 2) Обзор литературы по истории римской агрономии, 3) Плодоводство в др. Италии (стр. 56–140), 4) Жатва в др. Италии (стр. 140–161), 5) О молотье в др. Италии (стр. 162–174), 6) Плуги в др. Италии (стр. 174–217).

⁵⁸ М.Е.Сергеенко рассказывала об этом эпизоде: «Самым ужасным в те годы был страх. Потому что ночью ты не знаешь, не постучат ли сейчас в твою дверь. А утром приходишь в университет — и там нет профессора Ковалева, и профессор Каллистов спрашивает: “Где же Сергей Иванович?” А на следующий день нет уже и профессора Каллистова...»: Лукянова 2018.

⁵⁹ Впрочем, имя Энгельса в диссертации встречается, но вот в каком контексте: «Классические слова Энгельса по этому поводу слишком известны каждому, чтобы повторять их еще раз» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 11. Л. 11).

⁶⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 12. Л. 45–47 об. Рукопись с авторской правкой. Автограф С.И.Ковалева; Л. 48–49. Машинопись.

Нужно начать с того, что заглавие диссертации не совсем соответствует ее содержанию. Правильно, что это «Очерки». (л. 48 об.) Но неверно, что это очерки «по истории сельского быта др. Италии». Здесь не только нет сельского быта, но нет, строго говоря, и сельского хозяйства. Это — почти чистая агротехника. Неверно также, что это очерки «по истории». В обзоре литературы М. Е. справедливо критикует эту литературу за ее внеисторизм. Но и сама она, в сущности, не смогла дать в своей диссертации истории римской агротехники. Не потому, конечно, что М. Е. не историк, но потому, что эта агротехника эволюционировала очень медленно, и наличные источники почти не дают возможности установить ее эволюцию.

Хотя «Очерки» объединены общим заглавием и по идее должны дать описание единого процесса, тем не менее, это объединение носит кое-где механический характер. Характерно в этом смысле, напр., то обстоятельство, что последовательность с.-хоз. операций в работе не соблюдена: сначала идет жатва, затем молотба и, наконец, пахота. Бросается в глаза непропорциональность отдельных очерков. В то время как плодководству отведено 84 стр., жатве — 21, молотбе — 12.

Однако все эти недостатки, в большинстве своем архитектурные, не должны скрывать от нас огромных достоинств диссертации. Великолепное, абсолютно свободное владение источниками, их языком и терминологией; исчерпывающее знание научной литературы; прекрасный литературный язык; точность цитирования и вообще безукоризненность ученого аппарата.

Высокое мастерство обнаруживает М. Е. в филологической и технологической интерпретации источников. Она не только в совершенстве владеет римской технической терминологией, но (л. 49) и обнаруживает глубокое понимание технологического процесса. Тем места работы, где М. Е. дает свое понимание источников, отличное от принятого в научной литературе, или где она иначе реконструирует соответствующее орудие или процесс, кажутся весьма убедительными. Таково, напр., место на стр. 163 слл. (о цеpe) и, в особенности, последняя глава (о плуге), кажущаяся мне наиболее ценной.

Все высказанное дает полное основание признать М. Е. Сергеевну достойной искомой ею степени доктора филологических наук».

Доктор исторических наук
Профессор

(С. И. Ковалев)

14.04.42.

Ленинград

4. Процедура защиты диссертации

Сначала М. Е. представила диссертацию к защите в Ленинградском университете, где в то время была доцентом. Но в середине февраля 1942 г. университет начал готовиться к отъезду в Саратов, и М. Е. не успела пройти процедуру защиты. Тогда она обратилась в Академию наук, где 16 марта 1942 г. был создан Объединенный ученый совет ленинградских институтов отделений истории, языка и литературы Академии наук СССР. Объединиться пришлось ввиду того, что из-за своей малочисленности отдельные советы гуманитарных учреждений не могли собрать кворум и действовать самостоятельно. Объединенный совет составили 22 члена, под председательством акад. И. Ю. Крачковского, при секретаре А. И. Болтуновой

(Кольцов 1962, 96). Совет помог расширить научную работу институтов и проводил защиты диссертаций, уже готовых к защите и подготовленных в блокадную зиму.

Защита диссертации М. Е. Сергеенко прошла с соблюдением всех предписанных формальностей. 27 мая 1942 г. была назначена дата защиты и составлена квалификационная комиссия для предварительной оценки представленной работы.⁶¹ 3 июня комиссия в составе проф. С. И. Ковалева, проф. М. И. Максимовой и М. А. Тихановой пришла к следующему заключению:

«М. Е. Сергеенко в течение многих лет работает как филолог-классик в области античной агрикультуры и агротехники и является одним из лучших знатоков в СССР и одним из виднейших специалистов этой отрасли науки в Европе.⁶² Представленная М. Е. Сергеенко работа “Очерки по истории италийской агрикультуры” (199 страниц на машинке) представляет собою ценное исследование. Автор обнаруживает не только великолепное владение языком и специальной терминологией, исчерпывающее знание общей и специальной литературы, но и глубокое и оригинальное понимание источников, новое и убедительное их истолкование. Учитывая все сказанное, квалификационная комиссия считает необходимым допустить представленную М. Е. работу к публичной защите на соискание ученой степени доктора филологических наук».⁶³

В архивном «деле» по защите диссертации М. Е. сохранился почти полный комплект документов, направленных в ВАК в июле 1943 г.⁶⁴ О себе М. Е. сообщает следующее (автобиография датирована 20 апреля 1942 г.):

«Я, Мария Ефимовна Сергеенко, род. 9 дек. 1891 г. в гор. Новозыбково (Орловская обл.). Отец мой, родившийся еще крепостным крестьянином, рано ушел из деревни, перебрал ряд занятий, был землемером, сельским учителем и окончил свою жизнь мелким чиновником на сахарном заводе. Мать вела домашнее хозяйство и давала частные уроки. Окончив в 1910 г. женскую министерскую гимназию в гор. Чернигове, я поступила на ист.-фил. факультет СПб Высших женских курсов, которые и окончила по отделению классической филологии в 1915 г. В этом

⁶¹ На том же заседании были назначены даты защиты диссертаций Н. П. Бауера, Е. П. Лантикайнен и С. И. Жирмунской. См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 2. Л. 4 об.

⁶² Та же характеристика дана в отзыве С. И. Ковалева как оппонента.

⁶³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 11. Л. 59.

⁶⁴ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 11 (Материалы по защите диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук М. Е. Сергеенко. 22 мая 1942 г. — 23 июля 1943 г. 68 л.). В деле имеются следующие документы: автобиография, список научных трудов, характеристика, копия свидетельства об окончании Высших женских курсов, выписка о кандидатской степени, личный листок, тезисы к диссертации, отзывы оппонентов, явочный листок, протоколы заседаний квалификационной комиссии и Ученого совета. Нет только объявления по радио: в довоенное время объявления о предстоящей защите печатались в газетах; во время блокады такие объявления делались по радио. Официальные документы дополняют сведения, которые М. Е. не посчитала нужным сообщать: гимназию она окончила с золотой медалью (это позволило ей поступить на ВЖК без экзаменов); по окончании полного курса наук историко-филологического отделения, группы всеобщей истории, в мае 1915 г. была оставлена при курсах для продолжения научных занятий с предоставлением ей стипендии им. Е. И. Лихачевой (Л. 66–66 об.). Комитет Общества для доставления средств ВЖК выделил 4 стипендии, именная была предоставлена персонально М. Е. Сергеенко. Благодарю за справку А. В. Вострикова. В личном листке, в графе «Знание иностранных языков», М. Е. написала: «франц., англ., нем., итал. — читаю, но не пишу и не говорю» (Л. 63).

же году начала преподавание древних языков в ряде Петроградских гимназий. В 1917 г. была приглашена лектором древних языков в Саратовский гос. университет, где, выдержав экзамены на право преподавания в высшей школе (магистрантские), получила звание доцента и поручение читать лекции по древней литературе и древней истории. В 1930 г., в связи со значительным сокращением курса др. литератур, оставила Саратовский университет, переехала в Ленинград, где, поступив в Публичную библиотеку, стала усердно заниматься *Scriptores Rei Rusticae*. В 1932 г. была приглашена в АН, в Институт истории науки и техники, где и находилась до 1938 г., в 1938 г. перешла в Институт истории материальной культуры. С 1935 г. и до эвакуации Ленинградского университета преподавала в университете. Имею печатные труды и звание кандидата исторических наук». ⁶⁵

Защита диссертации состоялась 10 июня 1942 г. в главном здании Академии наук. Протокол заседания во всех подробностях отражает процедуру защиты ⁶⁶. Присутствовали 18 членов совета и коллеги М. Е. по ИИМК; отсутствовал находившийся на грани истощения председатель совета академик И. Ю. Крачковский; заседание вел проф. С. И. Ковалев.

Секретарь совета А. И. Болтунова огласила документы соискателя, М. Е. Сергеенко произнесла вступительное слово, выступили оппоненты, потом все желающие. Максимова сделала замечание по поводу того, что М. Е. не была учтена новейшая литература по теме диссертации. Хотя Библиотека Академии наук зимой 1941/42 гг. фактически не работала и книги были недоступны, М. Е. приняла этот упрек. По результатам баллотировки за присуждение М. Е. Сергеенко ученой степени доктора филологических наук было подано 17 голосов, против — один. ⁶⁷

У нас нет других свидетельств о защите М. Е. Сергеенко, кроме официального протокола заседания; возможно, вновь выявленные архивные материалы позволят когда-нибудь узнать больше об этом примечательном в истории отечественной классической филологии событии. ⁶⁸

5. После защиты диссертации

В июле 1942 г. произошла массовая эвакуация гуманитарных академических учреждений, в том числе и сотрудников ИИМК. Отказавшиеся от эвакуации были уволены и лишены продовольственных карточек служащих; в их числе была и М. Е. Сергеенко, перебравшаяся в I Медицинский институт.

⁶⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 11. Л. 61.

⁶⁶ Там же. Л. 8–13.

⁶⁷ Там же. Л. 5.

⁶⁸ О другой защите в ЛГУ зимой 1941–1942 г. рассказывает В. Е. Максимов: «Неизгладимое впечатление произвела на всех присутствующих защита кандидатской диссертации... <пропуск в рукописи> ассистента... <пропуск в рукописи> Диссертация была превосходной, но диссертант производил впечатление истощенного донельзя, в буквальном смысле этого слова обглоданного голодом человека; и когда он произносил свое вступительное слово, и когда отвечал оппонентам, он говорил медленно, с трудом. Чувствовалось, что ему трудно было не только произносить, но и подбирать слова. <Защита> диссертации закончилась триумфом, но диссертант был настолько страшен и жалок, что по окончании <защиты> диссертации я подошел к декану и в очень энергичной форме спросил его, приняты ли какие-либо меры для спасения молодого, талантливого, но, очевидно, находящегося в очень тяжелом положении ученого» (Максимов 2011).

Осенью и зимой 1943 г. в числе других ленинградских историков М. Е. принимала участие в научных чтениях, проводившихся в Академии наук (Koltsov, 1962, 131). Деятельность семинара была своего рода противоводом от энтропии войны. «Это была такая большая отдушина, ты там занимался тем, чем бы ты мог заниматься, если бы всего этого не было», — вспоминала одна из участниц. М. Е. рассказывала о мирных занятиях сельских жителей древней Италии; живой человеческий рассказ, проникнутый подлинным интересом к частностям повседневной жизни, завораживал слушателей и запоминался надолго.⁶⁹

В конце войны готовился к изданию сборник исследований, выполненных ленинградскими учеными в период блокады; в нем были даны аннотации около 1000 исследований 480 человек. В 1946 г. сборник «Ленинградские ученые в дни блокады» был доведен до корректуры, но издан не был.⁷⁰ М. Е. Сергеевко подала в сборник выжимку из четырех своих работ: «Овцеводство в древней Италии», «К истории колонатных отношений», «Италийское птицеводство» и «Землевладение в Цисальпинской Галлии во II–I вв.»⁷¹

М. Е. дает ироничный ответ на «вызов» времени, на требование проводить исторические исследования с учетом своеобразия исторических формаций. Она рассуждает о том, как чувствовала себя домашняя птица в разные исторические периоды: «павлины в конце республики были самой доходной птицей: мясо их было модным кушаньем. Гуси же проделали эволюцию в сравнении с павлинами обратную. Невидная домашняя птица при республике, она при империи переживает свой золотой век».⁷² Здесь мы находим рассказ о счастливой жизни овец в древней Италии: стадо «досыта накормлено, стоит в теплой овчарне и ни в чем не терпит нужды».⁷³

М. Е. Сергеевко была из числа тех, кто не любил предаваться воспоминаниям о былых советских временах. О блокаде она вспоминала неохотно, по ее словам, «в зиму 1941/42 г. жители Ленинграда держали экзамен на человеческое достоинство и экзаменовались у голода. Экзаменатор оказался беспощаден, а ученики оказались плохо подготовлены» (Сергеевко, 1997, 158). В период всеобщего душевного помутнения, когда рушились старые социальные отношения, соблюдение моральных заповедей становилось мерилom цивилизованности, ведь моральная дистрофия была не менее страшной, чем дистрофия физическая.⁷⁴

⁶⁹ Л. А. Мандрыкина, работник Центрального государственного военно-исторического архива, одна из собеседниц авторов «Блокадной книги», вспоминала о докладе М. Е. об устройстве виноградников (Гранин, Адамович 1989, 72).

⁷⁰ Сборник был забракован в то время, когда высшее советское руководство разработало официальную концепцию истории ВОВ, в которой подвигу ленинградцев не нашлось достойного места. Корректра сборника сохранилась по крайней мере в двух экземплярах, один в СПбФ АРАН, другой в РНБ. Сборник насыщен жгучим фактическим материалом (особенно в области медицины и физиологии), который мог послужить обвинительным приговором не только гитлеровской Германии, но и сталинскому режиму, обрекшему целый город на голодную смерть.

⁷¹ СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 5. Д. 60. Л. 31–33 (Ленинградские ученые в дни блокады. Корректра. Изд-во АН СССР, 1946. С. 62).

⁷² Ср. довоенные рассуждения М. Е. о быте и самочувствии огурца в итальяском огороде во времена республики и в период империи (Сергеевко, 1933, 107–111).

⁷³ СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 5. Д. 60. Л. 31 (Ленинградские ученые в дни блокады. Корректра. Изд-во АН СССР, 1946. С. 62).

⁷⁴ В. А. Крачковская, говоря о том, что зимой 1941–1942 гг. только немногие были способны проявить сострадание к ближнему, вспомнила эпизод с участием С. И. Ковалева: он помог обессиленной прохожей выбраться со льда Невы на берег в то время, как другие люди, не оглядываясь,

М. Е. говорила: «Ничего больше, чем работу, я не люблю, в блокаду спасла работа» (Сергеенко 1997, 123). Подвигом труда и вдохновения впоследствии назовут перевод «Исповеди» блаженного Августина, выполненный М. Е. в блокадную пору (Конрад 1992). Время работы над переводом она назовет счастливейшим временем своей жизни (Трофимов 1997, 108).

Многие из окружения М. Е. только после ее смерти узнали, как тщательно она оберегала свой внутренний мир от сторонних глаз. Не вспоминала она и о событии 10 июня 1942 г. — для нее как истинной христианки внешний успех не имел значения.

Библиография

- Буров А. В. *Блокада: День за днем*. Ленинград, Лениздат, 1979.
- Васильков Я. В., Сорокина М. Ю. *Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991)*. Санкт-Петербург, Петербургское Востоковедение, 2003.
- Воинов М. С. (сост.) *Библиография диссертаций. Докторские диссертации за 1941–1944 гг.* Москва, Библиотека имени В. И. Ленина, 1946.
- Гаврилов А. К., Казанский Н. Н. К 100-летию М. Е. Сергеенко. *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1993, 24, 316–328.
- Гранин Д., Адамович О. *Блокадная книга*. 5-е изд., испр. и доп. Ленинград, Лениздат, 1989.
- Жмудь Л. Я. Изучение античной науки в ИИНИТе на фоне 1930-х гг. *Вопросы истории естествознания и техники*, 2013, 3, 3–26.
- Илизаров С. С. Мечислав Бурский и секция истории агрикультуры Института истории науки и техники АН СССР. *Вестник Академии наук Чеченской Республики*, 2020, 3 (50), 30–37.
- Инструкция Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР о порядке применения постановления СНК СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях». 10 июня 1934 г., в сб. *Об ученых степенях и званиях*. Москва, Изд-во ВАСХНИЛ, 1936, 9–17.
- Каганович Б. С. А. А. Смирнов об «Истории античной литературы» И. М. Тронского. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 2008, IV, 1, 517–526.
- Карпюк С. Г. Политика и наука: передовицы в первое десятилетие существования «Вестника древней истории» (1937–1947 гг.). *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*, 2021, 9, 377–390.
- Карпюк С. Г., Крих С. Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: плоды усилий. *Вестник древней истории*, 2019, 79, 1, 136–151.
- Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. *О сельском хозяйстве*. Под ред. и с вводной статьей проф. М. И. Бурского. [Пер. М. Е. Сергеенко]. Москва, Ленинград, Сельхозгиз, 1937.
- Кольцов А. В. *Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943)*. Москва, Ленинград, Изд-во АН СССР, 1962.
- Конрад Н. И. Письма академика Н. И. Конрада. Пред. и комм. В. М. Алпатов, М. Ю. Сорокиной; Подгот. текста М. Ю. Сорокиной. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 1992, 51, 6, 69–86.
- Крих С. Б. Стратегия периферии: научное творчество М. Е. Сергеенко в контексте развития советской историографии древности. *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*, 2017, 4 (16), 186–196.
- Крих С. Б. Феномен периферийности в советской историографии. *Вопросы истории*, 2017, 10, 164–169.
- Крих С. Б. *Другая история: «Периферийная» советская наука о древности*. Москва, НЛЮ, 2020.
- Лукьянова Л. М. Русский голос Августина: Воспоминания о Марии Ефимовне Сергеенко. *Православие и современность: журнал Саратовской митрополии*, 2018, № 42 (58). <https://www.eparhia-saratov.ru/Articles/russkijj-golos-avgustina>. (дата обращения: 30.11.2020).

шли своей дорогой. «С той поры я прониклась к С. И. чувством глубокого уважения», — пишет Крачковская. См.: СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 7. Д. 35. Л. 16–17 (Крачковская В. А. Ленинградская блокада. Воспоминания).

- Максимов В. Е. Черные дни Ленинграда. Воспоминания. Публ. Н. Максимовой, вступ. ст. Д. С. Лихачева. *Звезда*, 2011, 2. <https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/2/chernye-dni-leningrada-vospominaniya.html> (дата обращения: 02.12.2021).
- Медведев И. П. *Судьба ученого. Владимир Николаевич Бенешевич*. Москва, Изд. дом ЯСК, 2020.
- Сергеенко М. Е. Блокадный Ленинград, в кн.: Трофимов А. (сост. и автор предисл.) *Три встречи*. Москва, Православный паломник, 1997, 151–166.
- Сергеенко М. Е. Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете. Вступ. ст., публ. и комм. Т. В. Андреевой. В сб. Медведев И. П. (отв. ред.) *Деятели русской науки XIX–XX веков*. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 2000, 280–303.
- Сергеенко М. Е. Как Н. И. Вавилов занимался латинским языком, в сб.: Микулинский С. Р. (отв. ред.) *Николай Иванович Вавилов: Очерки, воспоминания, материалы*. Москва, Наука, 1987, 141–142.
- Сергеенко М. Е. О С. В. Меликовой, в сб.: Валк С. Н. (ред.). *Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918*. Изд. 2-е, испр. и дополн., Ленинград, Изд-во Ленингр. ун-та, 1973, 199–202.
- Сергеенко М. Е. *Очерки по сельскому хозяйству древней Италии*. Москва, Ленинград, Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1958.
- Сергеенко М. Е. Предтечи прикладной ботаники в античном мире. *Архив истории науки и техники*. 1933, 1, 103–112.
- Фролов Э. Д. С. И. Ковалев и его «История Рима», в кн.: Ковалев С. И. *История Рима*. Под общей ред. проф. Э. Д. Фролова. Новое изд., испр. и доп. Ленинград, Изд-во Ленингр. ун-та, 1986, 3–16.
- Billard R. *L'Agriculture dans l'Antiquité d'après les Georgiques de Virgile*, Paris, E. de Boccard, 1928.
- Blümner H. *Die Römischen Privataltertümer*, München, C. H. Beck, 1911.
- Magerstedt A. F. *Bilder aus der Römischen Landwirtschaft. Für Archäologen und wissenschaftlich gebildete Landwirthe*. Hft. 1–6. Sondershausen, 1859–1862.
- Meyer-Lübke W. Zur Geschichte der Dreschgeräte, in: *Wörter und Sachen: Kulturhistorische Zeitschrift für Sprach- und Sachforschung; Zeitschrift für indogermanische Sprachwissenschaft, Volksforschung und Kulturgeschichte*, 1909, I, 211–244.
- Olck F. Ackerbau, in: *RE* 1893, I/1, 261–283.
- Olck F. Düngung, in: *RE* 1905, V/2, 1756–1776.
- Olck F. Ernte, in: *RE* 1907, VI/1, 477–482.
- Orth F. Getreide, in: *RE* 1912, VII/1, 1348–1349.
- Orth F. Landwirtschaft, in: *RE* 1924, XII/1, 624–676.

On the 130th Anniversary of M. E. Sergeenko: Doctoral Defense in Besieged Leningrad

Ekaterina Yu. Basargina

Archive of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Branch,
1, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; spbaran-publications@yandex.ru

For citation: Basargina E. Yu. On the 130th Anniversary of M. E. Sergeenko: Doctoral Defense in Besieged Leningrad. *Philologia Classica* 2021, 16 (2), 346–369. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2021.214> (In Russian)

During the years of World War II, some scholars defended their doctoral and candidate theses in classical philology and ancient studies, including M. E. Grabar-Passek, F. A. Petrovsky, V. S. Sokolov, S. Ya. Lurie, N. A. Mashkin, A. V. Mishulin, and K. E. Grinevich. Nevertheless, the doctoral defenses of I. M. Tronsky and M. E. Sergeenko in the besieged Leningrad are extraordinary events. Unlike Tronsky, about whose defense little is known, some pieces of information about the doctoral defense of M. E. Sergeenko have been preserved thanks to recently revealed documents in the Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch. A relatively large piece of M. E. Sergeenko's doctoral dissertation preserved in the archive and abstract to it provide an idea of the content, scope and structure of her work. It has been determined that the chapter “Fruit Farming in Ancient Italy,” the only one preserved in the typescript of the dissertation, is identical to the essay “Gardening” in Sergeenko's book *Essays on Agriculture in Ancient*

Italy (1958). The analysis of the thesis' abstract and the reviews of the opponents allows us to conclude that other chapters, not preserved, of the dissertation were also included in this book. Based on the data collected in the archival "dissertation" file of Sergeenko it is possible to reconstruct the procedure of the doctoral debate, clarify some facts of her biography and determine the date of her defense (June 10, 1942). The opponents of the thesis were I. I. Tolstoy, S. I. Kovalev and A. P. Ilyinsky; the reviews of the first two opponents are published in this article. In 1943, the Higher Attestation Commission of the All-Union Committee for Higher School Affairs awarded M. E. Sergeenko the degree of Doctor in Philology.

Keywords: M. E. Sergeenko, history of science, classical philology, besieged Leningrad, scientific certification.

References

- Billard R. *L'Agriculture dans l'Antiquité d'après les Georgiques de Virgile*, Paris, E. de Boccard, 1928.
- Blümner H. *Die Römischen Privataltertümer*, München, C. H. Beck, 1911.
- Burov A. V. *The Blockade: Day after day*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1979 (in Russian).
- Cato, Varro, Columella, Plinius. *De Agri Cultura*. Bursky M. I. (ed., Foreword). [Sergeenko M. E. (transl.)]. Moscow, Leningrad, Sel'khozgiz Publ., 1937 (in Russian).
- Dickson A. *The Husbandry of the Ancients*. Edinburgh, 1788, vol. 1–2.
- Dorigny S. Rustica Res, in: *DAGR* 1873, IV/2, 899–927.
- Frolov E. D. S. I. Kovalev and his "History of Rome", in: Kovalev S. I. *History of Rome*. Ed. Frolov. New ed., revis. and add. Leningrad, Leningradskij universitet Publ., 1986, 3–16. (In Russian)
- Gavrilov A. K., Kazansky N. N. For the 100th Anniversary of M. E. Sergeenko. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. 1993, 24, 316–328 (in Russian).
- Granin D., Adamovich O. *The Blockade Book*. 5th ed., rev. and add. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989 (in Russian).
- Ilyazov S. S. Mechislav Bursky and the History of Agriculture Section at the Institute for the History of Science and Technology of the USSR Academy of Sciences. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*, 2020, 3 (50), 30–37 (in Russian).
- Instructions of the Committee for Higher Technical Education under the CEC of the USSR on the Procedure for Applying the Resolution of the SNK of the USSR of January 13, 1934 "On Academic Degrees and Titles", June 10, 1934, in: *About Academic Degrees and Titles*. Moscow, VASKhNIL Publ., 1936, 9–17 (in Russian).
- Kaganovich B. S. A. A. Smirnov on the "History of Ancient Literature" by I. M. Tronsky. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij*, 2008, IV, 1, 517–526 (in Russian).
- Karpyuk S. G. Politics and Science: Advances in the First Decade of "Vestnik Drevnei Istorii" (1937–1947). *Scripta antiqua. Voprosy drevnej istorii, filologii, iskusstva i material'noj kul'tury*, 2021, 9, 377–390. (in Russian).
- Karpyuk S. G., Krikh S. B. Work on the *World History* before World War II: Fruits of Efforts. *Vestnik drevnej istorii*, 2019, 79, 1, 136–151. (In Russian)
- Koltsov A. V. *Scientists of Leningrad during the Siege (1941–1943)*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1962. (In Russian)
- Konrad N. I. Letters of Academician N. I. Konrad. Alpatov V. M. (Foreword, comment.), Sorokina M. Yu. (ed., comment.). *Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka*, 1992, 51, 6, 69–86 (in Russian).
- Krikh S. B. *Another (Hi)Story. Periphery of the Soviet Ancient Scholarship*. Moscow, NLO Publ., 2020 (in Russian).
- Krikh S. B. The Phenomenon of Periphery in Soviet Historiography. *Voprosy istorii*, 2017a, 10, 164–169 (in Russian).
- Krikh S. B. The Strategy of Periphery: Works of M. E. Sergeenko in the Context of Evolution of Soviet Historiography of Antiquity. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki»*, 2017b, 4 (16), 186–196 (in Russian).
- Lukyanova L. M. The Russian Voice of Augustine: Memoirs of Maria Yefimovna Sergeenko. *Pravoslavie i sovremennost': zhurnal Saratovskoj mitropolii*, 2018, № 42 (58). <https://www.eparhia-saratov.ru/Articles/russkijj-golos-avgustina>. (accessed: 30.11.2020) (in Russian).

- Magerstedt A. F. *Bilder aus der Römischen Landwirtschaft. Für Archäologen und wissenschaftlich gebildete Landwirthe*. Hft. 1–6. Sondershausen, 1859–1862.
- Maksimov V. E. Black Days of Leningrad. Memories. Maksimova N. (ed., comm.), Likhachev D. S. (Foreword). *Zvezda*, 2011, 2. <https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/2/chnye-dni-lenigrada-vospominaniya.html> (accessed: 02.12.2021) (in Russian).
- Medvedev I. P. *The Destiny of a Scientist. Vladimir Nikolaevich Beneshevich*. Moscow, JaSK Publ., 2020. (in Russian).
- Meyer-Lübke W. Zur Geschichte der Dreschgeräte, in: *Wörter und Sachen: Kulturhistorische Zeitschrift für Sprach- und Sachforschung; Zeitschrift für indogermanische Sprachwissenschaft, Volksforschung und Kulturgeschichte*, 1909, I, 211–244.
- Olck F. Ackerbau, in: *RE* 1893, I/1, 261–283.
- Olck F. Düngung, in: *RE* 1905, V/2, 1756–1776.
- Olck F. Ernte, in: *RE* 1907, VI/1, 477–482.
- Orth F. Getreide, in: *RE* 1912, VII/1, 1348–1349.
- Orth F. Landwirtschaft, in: *RE* 1924, XII/1, 624–676.
- Sergeenko M. E. Forerunners of Applied Botany in the Ancient World. *Arhiv istorii nauki i tehniki*. 1933, 1, 103–112 (in Russian).
- Sergeenko M. E. *Essays on Agriculture in Ancient Italy*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk, [Leningradskoe otdelenie], Publ., 1958 (in Russian).
- Sergeenko M. E. On S. V. Melikova, in: Valk S. N. (ed.). *St. Petersburg Higher Women's (Bestuzhev) Courses. 1878–1918*. 2nd ed., ispr. and supplement., Leningrad, Leningradskij universitet Publ., 1973, 199–202. (In Russian)
- Sergeenko M. E. How N. I. Vavilov studied Latin, in: Mikulinsky S. R. (ed.) *Nikolai Ivanovich Vavilov: Essays, memoirs, materials*. Moscow, Nauka Publ., 1987, 141–142 (in Russian).
- Sergeenko M. E. Besieged Leningrad, in: Trofimov A. (ed., Foreword). *Three Talks*. Moscow, Pravoslavnyj palomnik Publ., 1997, 151–166 (in Russian).
- Sergeenko M. E. Memories of Bestuzhev Courses and Saratov University. Andreeva T. V. (ed., Foreword, comment.) In: I. P. Medvedev (ed.) *Figures of Russian Science of the XIX–XX centuries*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2000, 280–303 (in Russian).
- Vasil'kov Ja. V., Sorokina M. Ju. *Men and Destiny: Biographical and Bibliographical Dictionary of Oriental Scholars — Victims of Political Repression during the Soviet Era (1917–1991)*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2003 (in Russian).
- Voinov M. S. (ed.). *Bibliography of Dissertations. Doctoral Dissertations for 1941–1944*. Moscow, Biblioteka imeni V. I. Lenina Publ., 1946 (in Russian).
- Zhmuď L. Ya. Research on Ancient Science at the IHST in the Historical Context of the 1930s. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki*, 2013, 3, 3–26 (in Russian).

Received: January 21, 2021

Accepted: April 24, 2021